

**У ИСТОКОВ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА:
«РУССКАЯ ПАРТИЯ» ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.***

А.Ю. Минаков

Воронежский государственный
университет

A.Iu. Minakov

Voronezh State
University

В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX века. Он был реакцией на радикальную модернизацию, предпринятую самодержавием в XVIII – начале XIX вв. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних русских консерваторов: их центры, идеологические течения, особенности их взглядов, влияние на внутреннюю политику самодержавия.

Ключевые слова: русский консерватизм, «русская партия», национализм.

**AT THE SOURCE OF RUSSIAN CONSERVATISM:
“RUSSIAN PARTY” IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY**

The article describes the specific features of Russian conservatism in the first quarter of the XIX century. Russian conservatism was a reaction to the radical modernization initiated by autocracy in XVIII and at the beginning of XIX century. The author analyses the main aspects of the activity of early Russian conservatives: their centres, ideological trends, peculiarity of their views, their influence on the internal politic of autocracy.

Keywords: Russian conservatism, “Russian party”, nationalism.

e-mail: minak.arkady2010[at]yandex.ru

Специфика русского консерватизма в первой четверти XIX в. была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами

---

* В данной статье излагаются выводы, сделанные в нашей монографии, посвященной становлению и развитию русского консерватизма. См.: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с. [Minakov A.Iu. Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 560 s.]

которой в XVIII – начале XIX вв. стали реформы Петра I и крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности, проект конституционных преобразований, связанный с именем М.М. Сперанского; галломания русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 года, а также попытка создания общехристианского государства в духе деклараций Священного Союза, фактически лишившая православную церковь статуса государственной (с 1818). Эти явления и события интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая (как это воспринималось в традиционалистско-консервативном дискурсе) к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т.д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности.

Несмотря на радикальную галлофобию, присущую многим русским консерваторам начала XIX в., одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в масонских ложах (членами масонских лож некоторое время были Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, М.Л. Магницкий, видным масоном был Д.П. Рунич) и западноевропейских университетах, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, хорошо знакомой с работами ведущих идеологов того времени – Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердера. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма со стороны французских роялистов-католиков, прежде всего, Ж. де Местра. Без наличия этого тонкого слоя европейски-образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах.

Наибольшую роль в первые десятилетия XIX в. в складывающемся консервативном течении играли такие фигуры, как А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, М.Н. Карамзин, С.Н. Глинка, великая княгиня Екатерина Павловна, А.А. Аракчеев, М.Л. Магницкий, А.С. Стурдза, архимандрит Фотий (Спасский). Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее, консервативное направление в целом оформилось и смогло существенно повлиять на политику самодержавной власти, начиная с 20-х гг. XIX в. Будучи в большинстве своем достаточно хорошо, а порой, и блестяще знакомы с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, представители раннего русского консерватизма

создали развитую, изощренную в понятийном отношении систему взглядов.

Исторически первыми в конце XVIII – XIX вв. возникли течения светского консерватизма, поначалу сравнительно малосвязанные с православной церковью, ставящие своей целью борьбу с галломанией и отстаиванием устоев традиционного общества, таких как самодержавие, крепостное право, сословные привилегии и т.д. Воззрения консерваторов при этом охватывали широкий спектр общественно-значимых вопросов: о национальном образовании, характере подлинно-самодержавной власти, об отношениях церкви и государства, о вопросах цензуры, «русском праве», самобытной национальной культуре, опирающейся, прежде всего, на определенные языковые традиции, сословном вопросе, университетской политике, вопросах внешней политики и т.д. Консерваторы старались исключить из преподавания в русских университетах рационалистическую философию и естественное право как дисциплин, подрывающих основы самодержавной власти и православной веры, превратить идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно решив по-своему проблему воспитания в национальном духе.

На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами». Карамзинисты ориентировались в своих поисках на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и культурно-поведенческие стереотипы, шишковисты же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на традицию, восходящую к церковно-славянскому и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. Стиль шишковских манифестов в модифицированном виде сохранялся вплоть до 1917 г., став одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

В ходе дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, а шире – против западничества. Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура воспринимались в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившего кровавую революцию и якобинский террор. Консервативно-националистическая риторика вызвала к жизни совершенно карикатурные и вызывающие отвращение и смех образы французов. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А.С. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, судьбу которой необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав от внешнего мира. Одна из причин, по которой ряд консерваторов (великая княгиня Екатерина Павловна,

Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин) приняли самое активное участие в устранении либерального реформатора М.М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как ключевая фигура ненавистной русским патриотам «французской партии».

Дискуссия о «старом и новом слоге» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка. А.С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданности самодержавной монархии. Следует подчеркнуть, что данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М.М. Сперанского). Чрезвычайно показателен также был и первоначальный общественный статус А.С. Шишкова и его единомышленников – Ф.В. Ростопчина и С.Н. Глинки. В первые годы XIX столетия два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 г.) не играл никакой существенной политической и общественной роли.

С 1807 г., когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806-1807 гг., русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты», общественный статус бывших оппозиционеров радикальным образом изменяется: по инициативе великой княгини Екатерины Павловны, лидера консервативной группировки при дворе, они заняли ряд влиятельнейших государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. В кадровой политике, по сути дела, произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр сблизился с «русской партией». Вторым по статусу человеком в империи стал А.С. Шишков, получивший после опалы М.М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства манифестов и указов, обращенных к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, наделенным исключительными, фактически диктаторскими, полномочиями был назначен Ф.В. Ростопчин. Его афиши, наряду с манифестами А.С. Шишкова, стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий второй столицы и ее окрестностей. Военно-политическая роль Ф.В. Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным

«организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом консервативно-националистического толка выступил С.Н. Глинка, получивший гигантскую по тем временам сумму на издание «Русского вестника». В годы войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А.А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный организатор. Он фактически занимал должность секретаря императора во время Отечественной войны и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п. Вел большую работу, без которой невозможны были бы успешные военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813-1814 гг.

В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 г. и что декабризм явился порождением Отечественной войны. С ничуть не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме. Консерваторам предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей: и это было сделано в манифестах А.С. Шишкова, статьях С.Н. Глинки в «Русском вестнике» (в сущности, занимавшегося пропагандой основных идей А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина, которые были его покровителями и авторами «Русского вестника»), «афишах» Ф.В. Ростопчина.

Анализ вклада основных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 г. и сопутствующие ему годы показывает, что именно этот год стал решающим в становлении идейно-политического направления. Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения оно превращается в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и Александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галломания (и, соответственно, галлофобия) дала мощь и силу русскому консерватизму. Напомним, что в этом же году одновременно были скомпрометированы и потеряли политическое влияние знаковые для либерализма первого десятилетия XIX в. фигуры М.М. Сперанского и М.А. Магницкого.

В 1810-х – 1820-х гг. в лоне русского консерватизма вызрела концепция самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Русские консерваторы, как правило, выступали противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы

религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху. Н.М. Карамзин, проделав длительную идейную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX века – трактат «О древней и новой России», содержащий вполне зрелую концепцию самодержавия, которая была воспринята в основных чертах последующими поколениями русских консерваторов, начиная с С.С.Уварова. В отличие от А.С. Шишкова и М.Л. Магницкого, Н.М. Карамзин был чужд масонофобии (несмотря на политические доносы на него, инициированные московским розенкрейцером П.И. Голенищевым-Кутузовым) и отнюдь не был активным борцом с мистицизмом, идущим с Запада. Здесь сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада.

Русскими консерваторами возвеличивались православная вера и церковь, они противопоставлялись всем неправославным христианским конфессиям. При этом православие выступало прежде всего как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенская религия. Православие приобрело характер идеологии, противопоставляемой модным в то время масонству, мистицизму и экуменическим утопиям. Это неизбежно вело к столкновению православных консерваторов с высокопоставленными мистиками и масонами, вроде министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына.

Именно система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, блокирующе действуя на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм с того времени базировался исключительно на православии. Масонство оказалось под запретом вплоть до начала XX в. Определяющую роль в принятии этих решений сыграли представители церковного консерватизма.

Наиболее яркими и известными представителями собственно церковного консерватизма в тот период являлись епископ Иннокентий (Смирнов), митрополит Серафим (Глаголевский) и архимандрит Фотий (Спасский). Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями были и миряне (так, активными деятелями православной оппозиции были А.С. Шишков, М.Л. Магницкий, писатели-«архаисты» Е.И. Станевич и С. И. Смирнов). Церковный консерватизм не был тождествен учению церкви, ее догматам и канонам. Это была реакция на фактический отказ самодержавной власти от православного характера

Российской империи, происшедший после 1812 г. и продолжавшийся до 1824 г. Для этого течения была характерна лояльность существующей монархической власти, что не исключало ее критики, когда, с точки зрения носителей этого направления, «попирались интересы церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений. Для церковного консерватизма было характерно почти полное отсутствие интереса к экономической и национальной проблематике. Если говорить о попытках представителей этого направления влиять на жизнь светского общества, то они, в основном, сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем, последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов «апокалипсическую» и прямо мифологическую окраску. Программа церковных консерваторов имела узкоконфессиональный характер. Они выступали за отставку министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына, расформирование «сугубого» министерства, запрет деятельности Библейского общества и масонских лож, введение жесткой цензуры в отношении книг, написанных с неправославных позиций, считали недопустимым перевод Библии на русский литературный язык вместо церковнославянского, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания и т.д.

В русском консерватизме первой четверти XIX в. имелись и течения, связанные с масонством. Для журнала «Сионский вестник», издаваемого А.Ф. Лабзиным, наряду с приоритетом «внутренней церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. Но, если в данном случае можно говорить лишь о некоторых элементах консервативного мировоззрения, то гораздо определеннее была ситуация с «консервативным крылом» московского розенкрейцерства того времени. Видных представителей его, О.А. Поздеева, П.И. Голенищева-Кутузова, называли не иначе, как «обскурантами». Исходя из положений масонской доктрины, они признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а с их точки зрения – лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней церкви». Более того, на словах они отвергали противопоставление «внутренней» церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М.М.Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль над общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм.

Консервативное мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, которое обычно

ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства», было связано с именами Александра I (на определенном этапе) и А.Н. Голицына. Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь, в принципе, русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент. Именно «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход уже в следующее царствование, к иной идеологии.

Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия), это направление под влиянием политических обстоятельств (событий 1819-21 гг., когда по Западной Европе прокатилась революционная волна) «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, стабилизирующе-консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, попыткам жесткими методами внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Но и либеральный, и консервативный варианты данного направления объективно имели антицерковную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны православной оппозиции.

Существенной составляющей раннего русского консерватизма был национализм. А.С. Шишкова можно считать одним из тех идеологов, кто стал одним из первых конструировать консервативно-националистическую традицию. Национализм определенно доминировал в воззрениях Ф.В. Ростопчина. Мало рассуждая о православной вере и церкви, самодержавии, он явился одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики. В его произведениях слова «русский» и «русское» являлись ключевыми и наиболее часто повторяющимися. В консервативной мысли мифологема «русскости» зачастую жестко противопоставлялась всему не только французскому, но и западному. Название журнала «Русский вестник», издаваемого С.Н. Глинкой, было полемически заострено против названия «Вестник Европы» (первоначально его редактором был Н.М. Карамзин, который до публикации «Истории государства Российского» инерционно воспринимался многими русскими консерваторами как космополит, западник, масон, галломан, бонапартист).

Национализм ранних русских консерваторов по своим исходным интенциям был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого. Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка были создателями обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, патриархи, святые герои-избавители от Смуты XVII в. и Суворов – постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов – это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела, консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Мифологизированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины.

Из-за националистической составляющей русский консерватизм трудно совмещался с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью: в этом одно из объяснений, почему карьера А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 г., когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался исключительно в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность миновала. Кроме того, главными носителями и идеологами русского националистического консерватизма были выходцы из дворянской элиты. А национализм в любой версии, как в консервативной, так и либеральной, не мог не противоречить принципу сословности. Попыткой выхода из этого положения стала интерпретация крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье. При этом в консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но, с другой стороны, народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия могли расцениваться как носители национальных нравственно-религиозных ценностей в отличие от подвергнувшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства. Не случайно в рамках консервативно-националистического дискурса был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен вопрос о

социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I. Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу (через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова»), но и к простонародью – посредством манифестов А.С. Шишкова и афиш Ф.В. Ростопчина.

Консервативно-националистические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на определенную нечеткость их представлений, существенные противоречия между отдельными их группировками, они, тем не менее, смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала все основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом (в воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намек на привнесенные славянофилами в позднейший русский консерватизм идей народной монархии со всесловным законосовещательным Земским собором, учения о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине как носительнице патриархальных ценностей и т.п.).

Консерватизм ни в России, ни в мире никогда не являлся универсальной идейной системой с четко очерченной системой взглядов¹.

¹ Наиболее значительными работами, вышедшими в нулевые и десятые годы XXI в., посвященными русскому консерватизму, на наш взгляд, являются: Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацило К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001; Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: конец 1850-середина 1870-х гг. М., 2002; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; Чернавский М.Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004; Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005; Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов/ н /Д., 2005; Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914 гг.). Киев, 2006; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Russian Studies in History. [Revisiting Russian Conservatism.]. N.-Y., 2009. Vol. 48 No. 2. (В данном выпуске опубликованы переводы статей А.Ю. Минакова, А.В. Репникова, И.А. Христофорова, И.В. Омелянчука, посвя-

Однако в русском консерватизме, всё же, достаточно четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православной религии на все стороны жизни общества – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, а также необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального напряжения и сплоченности от государства и народа. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западноевропейской культурно-религиозной традиции – русское антизападничество (не все течения русского консерватизма носили антизападнический характер, однако они никогда не были господствующими в самой консервативной среде).

Соответственно, на всех этапах развития русского консерватизма главным его течением изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм и, в определенных ситуациях, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них).

ценные историографии русского консерватизма); Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. М., 2010; Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М. ; СПб., 2011. [Grosul V. Ia., Itenberg B. S., Tvardovskaia V. A., Shatsillo K. F., Eimontova R. G. Russkii konservatizm XIX stoletia. Ideologija i praktika. M., 2000; Gusev V.A. Russkii konservatizm: osnovnye napravleniia i etapy razvitiia. Tver', 2001; Kir'ianov Iu.I. Pravye partii v Rossii. 1911-1917. M., 2001; Vishlenkova E.A. Zabotias' o dushakh poddannikh: religioznaia politika v Rossii pervoi chetverti XIX veka. Saratov, 2002; Khristoforov I.A. «Aristokraticeskaja» oppozitsiia Velikim reformam: konets 1850-seredina 1870-kh gg. M., 2002; Rossiiskii konservatizm v literature i obshchestvennoi mysli XIX veka. M., 2003; Shevchenko M. M. Konets odnogo Velichia. Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoi Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform. M., 2003; Chernavskii M.Iu. Religiozno-filosofskie osnovy konservatizma v Rossii. M., 2004; Kondakov Iu.E. Liberal'noe i konservativnoe napravleniia v religioznykh dvizheniakh v Rossii pervoi chetverti XIX veka. SPb., 2005; Popov E.A. Russkii konservatizm: ideologija i sotsial'no-politicheskaia praktika. Rostov/ n /D., 2005; Omel'ianchuk I.V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901-1914 gg.). Kiev, 2006; Repnikov A.V. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii. M., 2007; Russian Studies in History. [Revisiting Russian Conservatism.]. N.-Y., 2009. Vol. 48. No. 2; Mina-kov A.Iu., Repnikov A.V. Konservatizm v Rossii // Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX v.: entsiklopediia. M., 2010.; Ivanov A. A. Vladimir Purishkevich: opyt biografii pravogo politika (1870–1920). M. ; SPb., 2011].